

ЕСЛИ НЕ ДЕЛАТЬ СКИДОК...

О спектаклях «Наша дочь» и «Мария Тюдор»

Мы оправдывали открытие сезона в областном драматическом театре спектаклем «Одна», хотя нас смущала нейтральность творческого коллектива в определении своего отношения к происходящему; приняли, как нужно, постановку сатирической комедии Б. Нушича «Госпожа министерша», несмотря на ее неудачный финал, силой принятый постановщиком; с удовольствием познакомились с героями спектакля «Когда цветет акация...», делая скидку неудачному подбору некоторых исполнителей и несовершенству их актерского мастерства за счет страстности, увлеченности всей постановки в целом.

Казалось, русская труппа пробует свои силы после включения в творческий коллектив ряда ведущих актеров для того, чтобы обратиться к более глубокому, фундаментальному драматургическому материалу, которым заинтериговал в начале сезона свободный репертурный план — «Кремлевские курянт» Н. Глогодина, «Маскарад» Ю. Лермонтова, «Угрошение строптивой» В. Шекспира, новые пьесы советских авторов о наших трудовых буднях.

Но ожидания не оправдились. Начатый театром большой разбег перед работой над более значительными произведениями продолжился постановками несовершенной, мало содержательной пьесы Кулиджанова и Сегеля «Наша дочь» и романтической драмы В. Гюго «Мария Тюдор», которая совсем не предусматривалась репертурным планом.

«Одна», «Когда цветет акация...», «Наша дочь» — по существу эти пьесы являются вариацией одной и той же психологической темы — темы любви. Только в первом случае рушится семья, в другом — чуть было молодой человек не связал свою судьбу с легкомысленной девушкой, в третьем... О третьем поговорим подробнее — это касается новой работы театра — «Наша дочь».

В пьесе Кулиджанова и Сегеля «Наша дочь» действие развивается не свободно и естественно, в силу органической жизненной необходимости, а по заранее задуман-

ной авторами канве, в рамки которой они и стремились вставить нужные им события и столкновения.

Двенадцать лет разыскивала свою дочь Кузнецова. И вот она найдена в Ульяновске, у акушерки Терещенко. Четырнадцатилетняя девочка возвращена родителям. Здесь бы и радоваться Наташе, но ее радость омрачена — родители уже три года не живут вместе. Наташа совсем было собралась обратно к доброй Терещенко, но вдруг решает помирить своих родителей — ведь они так любят друг друга. И вот финал — Кузнецовы помирились, а одинокую Терещенку пригласили к себе в Свердловск на постоянное местожительство. Обиженных не стало — ко всем вернулось счастье.

Как видим, пьеса поверхностно и прямолинейно решает сложный, поставленный самой жизнью вопрос. Может быть, театр не заметил этого, готовя спектакль? В том-то и беда, что об этом говорили и актеры, не находя в пьесе живых, интересных и своеобразных человеческих характеристик; об этом говорили и режиссеры, не обнаруживая достаточного драматического материала для яркого и сочного построения спектакля. Все об этом знали, но все же пьеса получила свое сценическое рождение, не принесла радости и удовлетворения коллективу театра, не давая зрителям повода для больших раздумий и волнений.

Это не дает нам права делать вывод, что спектакль провалился — ведь нас могут обвинить в пристрастности. Спектакль смотрится зрительно. Смотрится, главным образом, благодаря созданному в нем образу Наташи двумя исполнителями — артистками Рачковской и Угдужевой. Но если у Рачковской образ более лиричен своей непосредственностью, то у Угдужевой он более драматичен своим глубоким проникновением в психологию девочки. Несмотря на различие подхода к трактовке образа Наташи, у зрителей создается единое ощущение — они прикасаются к удивительно чистому миру юности, миру, еще лишенному больших драмати-

ческих коллизий, но в то же время весьма далекому от бездумного и поверхностного отношения к жизни.

Но если у артистки Рачковской и Угдужевой мы находим что-то новое, обогащающее их творческое индивидуальность, то, к сожалению, в игре таких опытных актеров, как Ингульская и Соколик, нет тех значительных штрихов, характерных деталей, которые отличались бы от привычных работ. Больше того, М. Ингульская неправильно трактует образ акушерки Терещенко, делая ее мученицей, капризной и саркастичной женщиной. А ведь этому образу свойственна большая доброта, твердость характера, сердечная теплота к окружающим.

Артисту Вадимову также пришлось из-за одноплановости исполняемых им ролей вернуться в образе Кузнецова. Но важно отметить, что у него почти исчезла скованность, которая была заметна раньше в спектаклях «Одна» и «Когда цветет акация...».

В новой работе заслуженного артиста РСФСР режиссера И. С. Забродина зритель мало находит того динамичного развития, той остроты кульминации, тех ударных впечатляющих кусков, что было характерно для его недавних постановок «Разлом» и «Хрустальный ключ». Режиссеру не удалось наполнить сцены настоящим драматизмом, потому что авторы построили пьесу по литературному шаблону, по логике заранее предуманных и заданных столкновений.

К такому творческому топтанию на месте, неполному использованию всех возможностей театр привлек односторонность и безответственность в выборе драматургических произведений, отображающих нашу советскую действительность.

Не удовлетворила больших потребностей наших зрителей и постановка романтической драмы В. Гюго «Мария Тюдор». Как мы отмечали, в репертуре театра этот спектакль явился «незаконнорожденным» — он не входил в перспективный план работы. Поэтому постановка «Мария Тюдор»

для творческого коллектива во многих отношениях примечательна и поучительна.

Постановщик спектакля режиссер С. П. Майер стремился в своей новой работе выделить две основные борющиеся силы — народ и аристократию во главе с королевой Марией. В столкновении этих двух сил и должны были вывиться цельные характеры, с большими человеческими чувствами, наполненные безудержными человеческими страстями. Но в конечном итоге получились некоторые смещенные идейные акценты. Борьба народа, олицетворением которого в драме явился рабочий-резчик Джилберт, за утверждение своих прав на свободу, справедливости требований против дворянской аристократии подменилась борьбой внутри самой аристократической верхушки против фаворита королевы Марии — лорда Фабиано Фабиани.

Такой результат вполне закономерен. Актер А. Круглов, исполняющий роль Джилберта, вполне сознательно снижает роль романтическую приподнятость чувств и стремлений Джилберта, которая делает его достойным противником королевы Марии и Фабиани. Актер исходил из социального происхождения своего героя — раз он рабочий, так у него не так ярко проявляются человеческие чувства, как у королевы и лордов, а более сдержанно, приглушенно. С этих неверных позиций и трактуется весь образ в целом, что снижает силу и ценность спектакля.

В «тон» Круглову проводит первую картину и актриса А. Баушева, исполняющая роль Джен. Здесь у нее также нет романтической преувеличенности чувствований, романтической приподнятости характера.

Заглавную роль исполняет артистка А. Злобинская. Она сделала все возможное, чтобы получился разносторонний образ героини и романтической королевы. Но данные этой сугубо характерной актрисы позволили достаточно полно обрисовать только одно из качеств этого сильного характера — ненависть королевы к Фабиани. А ее трагическую любовь женщины актриса изображает прямолинейно, без тех сложных, противоречивых чувствований митущейся души, которые свойственны такому сильному темпераментному характеру. В результате романтическая дра-

ма В. Гюго терпит свою эмоциональную окисленность.

В стиле требований романтической драмы исполнено только несколько ролей. Это в первую очередь Симон Ренар в исполнении артиста Скитского. Актер делает акцент не на жестокости и коварстве этого человека а главным образом — на значительности его положения при королеве. Это не мало разнеличить важный для спектакля образ.

Артист Б. Каспаров нашел не только верные штрихи для Фабиани как интригана и ловеласа. В основном в этом образе ему удалось показать в фаворите королевы Марии жестокость авантюриста, человека, ненавистного народу.

Яркий, сочный образ создал артист Огурцов. В небольшой, но трудной для исполнения роли еврея он создал цельный и значительный образ человека, стремящегося любыми средствами обогатиться. Еврей — Огурцов переключается в коротком эпизоде с классическим образом Шекспира из «Венецианского купца» В. Шекспира.

Несмотря на значительные недостатки в спектакле «Мария Тюдор», зрители увидели на тех же самых сценических подмостках после «Нашей дочери» героев с сильными чувствами, цельными характерами. Этим примечательна постановка романтической драмы В. Гюго.

Почувствительность же спектакля — в безответственном подборе актеров для такого сложного в постановочном отношении драматургического произведения.

Настало время teatro окончательно покончить со взаимными улыбками, осторожной расчистливостью и искусной выжимкой в выборе репертура и в подборе исполнителей. Руководство театра пора понять, что наша область — не дремучая театральная провинция, в которой «сойдет» всякая художественно неполноценная продукция.

Главному режиссеру Е. А. Мерхловичу надо вспомнить, наконец, свои собственные слова, сказанные в начале сезона на художественном совете о специфике нашей области, о необходимости разностороннего удовлетворения запросов тувинских зрителей. Пора не рассчитывать на скидки в оценке работы театра, а смело втыгаться в жизнь, в нашу прекрасную действительность.

Вас. ЖУРАВЛЕВ.

17-12
13 март 1957
Тувинская правда
г. Кызыл